

Наталья Яненко

Вариативность городской белорусско-русской речи (на материале записей в г.п. Хотимске)

1. Введение

Задачей настоящей статьи является описание и анализ фрагмента корпуса белорусско-русской речи с точки зрения вариантности употребления некоторых грамматических форм. Наш материал представляет собой записи устной речи жителей городского поселка Хотимска, которые были собраны в ходе полевого исследования, проводившегося в 2007 г. по проекту Ольденбургского университета «“Трасянка” в Беларуси: “смешанная разновидность” как продукт белорусско-русского языкового контакта»¹. Проект охватывал семь белорусских населенных пунктов; г.п. Хотимск (численность населения примерно 7000 человек) был выбран, поскольку здесь представлен северо-восточный диалект. Хотимск находится на востоке Беларуси, на территории распространения восточной (витебско-могилевской) подгруппы северо-восточного диалекта. Хотимский говор является в значительной мере «переходным» между белорусским и русским языками: языковые черты, совпадающие с русским языком, фиксируются в местной речи не только как местное диалектное наследие, но и как результат нового влияния на местный говор русского просторечия и/или русского литературного языка.

Наталья Васильевна Яненко
Белорусский государственный
университет,
Минск
natalia.janienka@gmail.com

¹ Подробнее о проекте см.: [Генцель, Тэш 2007].

Всего в проект было вовлечено 12 хотимских информантов — члены одной семьи и их близкие друзья. Все диалоги записывались на диктофон в домашних условиях, это бытовые беседы в кругу семьи. Представлены записи речи как женщин, так и мужчин. Всех информантов условно можно разделить на две группы: старшее поколение (информанты в возрасте 38–46 лет) и младшее (информанты 12–28 лет). Кроме того, есть записи речи женщины 69 лет. Среди информантов старшего поколения есть уроженцы Хотимска, а также мигранты из деревень в город. Помимо этого, получены записи речи мужчины, который родился в Украине, около пяти лет жил и работал в Орловской области в России. Профессиональный статус информантов также разный: медсестра, врач, учителя, ученики, студентка, строители, каменщик.

Нами были затранскрибированы и переведены на русский язык 79 диалогов общим объемом 34 044 словоформы. Деление записей на диалоги осуществлялось условно, в основном согласно преобладающей в них теме.

2. Теоретическая рамка исследования

В статье осуществлена попытка анализа хотимской части ольденбургского корпуса белорусско-русской речи с точки зрения вариантности употребления информантами тех или иных форм. Мы не ставим задачи «вычлениить» в речи информантов русскую и белорусскую составляющие или определить русское / белорусское происхождение конкретной словоформы: в случае атрибутирования тех или иных словоформ как «русских» или «белорусских» эти определения употребляются нами в значительной степени условно. Эта условность связана с теоретической моделью, в рамках которой выполнено наше исследование. Анализируя данные в рамках вариационистской парадигмы, мы рассматриваем варьирование в речи информантов не как смешение (переключение) кодов, т.е. чередование двух инвариантных систем в одной беседе, но как «реализацию различных выборов в рамках *одной* системы», «записанный и затранскрибированный текст рассматривается как текст, содержащий определенную последовательность алломорфных или аллофонных реализаций конкретного набора исследуемых переменных [выделено нами. — *Н.Я.*]» [Muysken 2000: 123, 124]. Нас интересует вариантность употребления информантами языковых переменных в рамках одного (наиболее ценная информация) или нескольких диалогов.

Следует отметить, что, несмотря на то что наши записи были получены в ходе проекта по «трасянке», мы не стали бы однозначно атрибутировать записанную речь как «трасянку» ввиду

недостаточной степени изученности данного феномена и отсутствия критериев, по которым та или иная разновидность речи может быть отнесена к «трасянке». Мы рассматриваем наш материал как городскую речь на субстрате хотимского говора, в которой наряду с белорусскими диалектными чертами присутствуют элементы русского и белорусского литературных языков. Однако информанты вряд ли каждый раз осознают переход «с одного языка на другой»: они говорят на некоем едином языке, и поэтому представляется последовательным не применять к этому материалу модель «смешения и переключения кодов». Говоря словами Питера Ауэра, «за исходную точку анализа двуязычия уже нельзя принимать два языка, но скорее набор дискурсивных и языковых практик, которыми двуязычный говорящий пользуется в некоем сообществе и которые основаны на определенных сочетаниях (constellations) грамматических, лексических и фонологических черт. Эти сочетания могут противопоставляться по функциональным причинам <...> либо стоять бок о бок, образуя единый разговорный стиль (а значит, и единый код), или они могут слиться в новую систему, как, например, так называемые “смешанные” (или сплавленные) языки» [Auer 2007: 337], ср.: [Головко 2001].

Вслед за П. Экерт и Дж. Рикфордом [Eckert, Rickford 2001: 1] и С. Ромейн [Romaine 2003: 411] мы выделяем:

- а) варьирование, обусловленное языковыми или внутренними факторами;
- б) варьирование, обусловленное социальными факторами или различиями, существующими между информантами (inter-speakers constrains);
- в) варьирование, обусловленное стилистическими факторами и наблюдающееся в речи одного информанта (intra-speakers constrains).

Варьирование, обусловленное собственно языковыми факторами, представлено в нашем корпусе незначительно¹. Более широко представлены второй и особенно третий вид варьирования — социальное² и стилистическое. В рамках последнего вида варьирования мы выделяем фонетическую, морфологическую и лексическую вариантность.

На данном этапе нами проанализирована вариантность использования информантами следующих единиц³: фрикатив-

¹ Подробнее см.: [Запрудскі, Яненка 2010].

² Не очень большая представленность социального варьирования, вероятно, может быть объяснена характером наших записей: внутрисемейные взаимоотношения в значительной степени стирают социальные различия между людьми.

³ В приведенных парах вариантов условно считаем, что первые единицы характерны для белорусского литературного языка, вторые — для русского литературного языка. В случае наличия трех

ный [г] vs. взрывной [г]¹; твердый [ч] vs. мягкий [ч']; твердый [р] vs. мягкий [р']; вариантность согласных [дз'] vs. [д'], [ц'] vs. [т']²; местоименное прилагательное, местоименное наречие, союз, частица (распределение вариантов в зависимости от характера начального согласного в корне — *йак'эй* vs. *ик'эй* vs. *какóй*); личные местоимения 3-го лица (*йанá* vs. *iná* vs. *aná* и под.)³; окончание родительного падежа ед. ч. имен прилагательных, местоименных прилагательных и порядковых числительных м. и ср. р. (*-ога, -ага, -йага* vs. *-ова, -ава, -йева*); мягкий vs. твердый согласный в окончании глагола 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени (*-ц'* vs. *-т*)⁴; суффикс глаголов прошедшего времени ед. ч. м. р. (*-ў* vs. *-л*)⁵; постфикс *-с'а* vs. *-с'*; лексическая вариантность на уровне следующих пар единиц: *бáчыц'* vs. *в'ідз'ец'*, *бўл'ба* vs. *картóшка*, *грóшы* vs. *дз'ён'г'і*, *бáц'ка* vs. *ац'ец'*.

В статье мы подробнее остановимся на вариантности трех языковых переменных — местоименных прилагательных, местоименных наречий, союза, частицы (вариантность начального согласного в корне — *йак'эй* vs. *ик'эй* vs. *какóй*); суффикса глаголов прошедшего времени ед. ч. м. р. (*-ў* vs. *-л*); постфикса *-с'а* vs. *-с'*.

3. Анализ материала

3.1. Вариантность местоименных прилагательных, местоименных наречий, союза, частицы с корнем *как-* (распределение вариантов в зависимости от характера начального согласного в корне — *йак'эй* vs. *ик'эй* vs. *какóй*)

Из 404 единиц, употребленных в корпусе, 172 раза использована форма с белорусским вариантом корня *йак-* (*йак'эй* и формы, *йак*), 46 раз — форма с местным вариантом корня *ик-* (*ик'эй* и формы), 185 раз — форма с русским вариантом корня *как-* (*какóй* и формы, *как*). Кроме того, встречается один случай использования информантом формы *ак'эй*.

возможных вариантов той или иной переменной второй вариант является местным, характерным для хотимского говора.

¹ Анализ данной переменной см. в: [Яненка 2011а].

² Анализ двух последних переменных см. в: [Запрудскі, Яненка 2011г].

³ Подробнее см.: [Яненка 2011в].

⁴ Анализ двух последних переменных см. в: [Запрудскі, Яненка 2011а].

⁵ Подробнее см.: [Запрудскі, Яненка 2011в].

⁶ Подробнее см.: [Запрудскі, Яненка 2011б].

⁷ Подробнее см.: [Яненка 2011б].

Анализ речи информанта А¹ (женщина 41 года, учительница) показывает, что употребление ею варианта, совпадающего с русским литературным языком (*како́й* и формы, *как*), может быть обусловлено действием определенных внешних, социальных и стилистических факторов, таких как различные виды экспрессии, тема беседы, некоторым образом связанная с употреблением русского языка, четкое противопоставление ролей: «старший» — «младший», «мать» — «дочь», «опытный» — «неопытный», аккомодация к собеседнику, цитирование.

Рассмотрим некоторые из факторов.

3.1.1. Экспрессия

В диалоге 45 информант А разговаривает по телефону с коллегой по работе, которая сообщает ей, что зимой в школе будет лагерь:

Што²? (45: 1; А)³

Лаг'ір' з'імн'ій'бўдз'іц'? (45: 2; А)

А бжжа мой! (45: 3; А)

Наташа! (45: 4; А)

Ну н'і магла ты мн'е папóзжы саабшчыц'? (45: 5; А)

Да? (45: 6; А)

*Ох, **кака́йя** ты харóшая!* (45: 7; А)

Высказывание 7 представляет собой шуточный упрек информанта А в адрес собеседницы. Фраза по своему характеру близка к устойчивому выражению, оформленному на русском языке.

3.1.2. Влияние «городской» или официальной темы беседы

В продолжении этого же диалога было использовано местоименное прилагательное с корнем *как-*:

*А с **како́ва** на **како́ва** [будет зимний лагерь]? (45: 59; А)*

С два́ццыз' шысто́ва на тр'іццыз'... (45: 60; А)

Па чыц'в'ортайе, да? (45: 61; А)

¹ Для более подробного анализа мы выбирали тех информантов, в речи которых анализируемые переменные встречаются достаточно часто и количественное распределение вариантов является показательным.

² Мы используем систему транскрипции, принятую в белорусских работах по диалектологии (ср., например: [Блінава, Мяцельская 1980]).

³ Здесь и далее после иллюстраций первая цифра обозначает номер диалога в нашем материале, вторая — номер высказывания, буква обозначает шифр конкретного информанта.

В данном случае использование информантом варианта местоимения с корнем *как-* может быть обусловлено официальной темой беседы — работа.

Следует отметить, что влиянию официальной темы беседы в этом контексте подчинено использование «русского» варианта еще одной переменной — окончания родительного падежа ед. ч. м. р. местоименного числительного *какой* (высказывания 59, 60).

3.1.3. Цитирование (пересказ слов другого человека с передачей характера его речи)

В диалоге 13 информант А рассказывает мужу и дочери о людях, которых она встречала на курсах повышения квалификации учителей в Могилеве:

А адна́ дз'э́вачка, б'э́дна́я, пр'і́йэ́хала [на курсы], гаво́р'і́ц'. (13: 124; А)

Ї́а то́л'ка зако́нчыла і́нцэ'і́ту́т, а м'ен'а́ й́ак нагруз'і́л'і́! (13: 125; А)

Ї́а то́л'ка пр'і́йэ́хала з Ге́рман'і́іі. (13: 126; А)

Пака́ йа пр'і́йэ́хала, вс'о́ паразабра́л'і́, вс'е́ ч'і́сы́ параспр'і́дз'і́л'і́л'і́. (13: 127; А)

І́мн'е́ аста́лас', на, бо́жэ, што́ нам н'а́ го́жэ. (13: 128; А)

Ка́к э́та мн'е́ в'есі́'і́? (13: 129; А)

Начиная с высказывания 125 происходит пересказ-цитирование, где информант А передает (имитирует) особенности речи молодой женщины. Использование информантом разных вариантов корня в предложениях 125 и 129 может быть обусловлено тем, что один из них представляет собой цитирование.

3.2. Вариантность суффикса глаголов прошедшего времени ед. ч. м. р. (-ў vs. -л)

Из 642 случаев употребления данной формы вариант с суффиксом *-ў* (совпадающий с формой, характерной для белорусского литературного языка) был употреблен 528 раз, вариант с суффиксом *-л* (характерный для русского литературного языка) — 114 раз.

Вариантность данного суффикса характерна для речи части информантов (5 из 12), у 7 информантов такое варьирование не фиксируется. Среди информантов выделяется М (мужчина 46 лет, строитель), яркой чертой речи которого является вариантность данной формы. На выбор информантом формы глагола с тем или иным суффиксом влияет тема беседы, а также возраст человека, которого он цитирует. При этом определяющим может выступать то один, то другой фактор.

3.2.1. Контексты, в которых варианты с *-л* / *-ў* используются во время повествования об армии

В этих контекстах значительно преобладает вариант с *-л*, а вариант с *-ў* встречается при цитировании информантом слов старшего человека.

В диалоге 60 информант рассказывает о том, как его отец в молодости был искалечен в шахте, и о связанных с этим обстоятельствах, в частности как отец попал к врачу, с которым раньше был знаком во время службы на флоте:

Йон [отец] *ба палуча́д ба п'ён'с'йю*. (60: 33; М)

Пато́м *naná́д* у бал'н'йцу. (60: 34; М)

І *naná́д* к таму́ врачу́, катóрый у йіх *бы́д* на карабл'е. (60: 35; М)
<...>

Йон [врач] *захо́дз'йц'* [в палату], *гаво́р'йц'*, *палу́ндра!* (60: 43; М)

Дык *ба́ц'ка гаво́р'йц'*, *йа адкрыў ш...* [неразб.] і *гл'ануў*. (60: 44; М)

Л'ан'-ка! (60: 45; М)

Ба́ц'ку харашо́ нав'ізло. (60: 46; М)

Ба́ц'ка то́ка дз'ім'іб'іл'ізава́дс'а, *шчэ с час'ц'і н'і в'ыйіха́д*, *йіво́ кара́бл'узарва́дс'а* на м'ін'і. (60: 47; М)

Во время повествования об армейской службе отца информант М последовательно использует формы глаголов с суффиксом *-л*, тогда как в реплике 44 он цитирует слова отца и употребляет форму с *-ў*.

3.2.2. Контексты, в которых вариант с *-л* используется при цитировании слов молодого человека, вариант с *-ў* — во время повествования о нем

В диалоге 61 информант М рассказывает о своем двоюродном брате, который тоже служил в армии:

Дык, *гаво́р'йц'*, *ув'іда́д* ёту ма́тку. (61: 17; М)

Ба́ба Парáска пр'ййэхала. (61: 18; М)

Быстр'ей б'іжа́ц'. (61: 19; М)

Запу́тадс'а ў шы́н'ёл'і, *гаво́р'йц'*. (61: 20; М)

Аб з'эмл'у, *сл'óзы*. (61: 21; М)

Йіво́ ж снача́ла ўз'а́л'і, *nanáў* йон ў ёту... (61: 22; М)

Ну, в ёта, *Кэзэбэ в ёта*, *выйскá*. (61: 23; М)

Пато́м што-та там у йіх прав'ір'а́л'і. (61: 24; М)

Н'і падышоў, *йіво́ ў Марфлóт*. (61: 25; М)

В данном случае имеем картину, обратную предыдущей: информант употребляет форму с *-л* при цитировании слов брата (реплики 17 и 20) и форму с *-ў* — во время обычного повествования (реплики 22 и 25).

Разница в речевом поведении информанта М при цитировании им разных людей обусловлена, вероятно, разным возрастом людей, которых он цитирует: варианты с *-л* употребляются при цитировании слов молодого (примерно равного по возрасту) двоюродного брата М, варианты с *-ў* — при цитировании слов отца информанта.

3.3. Вариантность постфикса *-c'a* vs. *-c'*

Данный постфикс присутствует в нескольких формах глагола, но наиболее яркие и количественно показательные из них две — глаголы прошедшего времени ед. ч. ж. и ср. р. и глаголы прошедшего времени мн. ч. Из 189 случаев употребления данных форм 135 раз был употреблен вариант с *-c'* и 54 раза — вариант с *-c'a*.

Для традиционных хотимских говоров характерно наличие обоих вариантов постфикса. В нашем корпусе их стилистическая иерархия не является однозначной и варьирует в зависимости от информанта.

В речи информанта А наблюдается вариантность употребления рассматриваемого постфикса с преобладанием варианта *-c'* (распределение вариантов с *-c'* и *-c'a* 38 и 5 соответственно).

Из цифр видно, что нормальным, привычным для информанта является вариант *-c'*. Использование же им форм с вариантом *-c'a* имеет, вероятно, стилистический характер и может быть объяснено следующими причинами: желанием информанта придать беседе максимально «свойский», «интимный» характер, неосознанным желанием информанта избежать повторения, влиянием сниженного стиля речи собеседника. Приведем контексты, иллюстрирующие некоторые из факторов.

3.3.1. Желание информанта придать беседе максимально «свойский», «интимный» характер

Диалог 27 отражает ситуацию, когда информанты А, С (мужчина 44 лет, строитель, муж информанта А) и N (девушка 19 лет, студентка, дочь информантов А и С) собрались за столом, чтобы пообедать. Информант А обращается к информанту N, затем к разговору присоединяется информант С:

Iták. (27: 18; А)

Astáŷc' nasl'édn' ŷŷ štr'ix [и блины будут готовы]. (27: 19; А)
<...>

B'ar'ŷ, vymák' ŷvay, raz uŷ tut [в тарелке] *c'm'itána astálas'a.*
(27: 30; А)

<...>

Ўа заўтра, мо́а, ра́н'шы пр'іду́ с рабо́ты. (27: 34; С)

А там — н'і зна́йу. (27: 35; С)

Мо́а, папо́жжы. (27: 36; С)

Да-да. (27: 37; А)

Нам'о́к по́н'і́л'і́ [о том, что ты можешь задержаться с друзьями]. (27: 38; А)

Мы надз'е́йм'а на твай'у́ камун'іс'ц'ічыску́ю со́в'іс'ц' [надеемся, что ты придешь пораньше]. (27: 39; А)

Кажется, информант А говорит *аста́ўс'* (реплика 19), но *аста́лас'а* (реплика 30) в том числе потому, что противоположные формы были бы уместны в «правильном» русском языке, т.е. по принципу «отталкивания». На использование варианта *-с'а* в реплике 30 могло повлиять и то, что в одной из предыдущих реплик (19) информант употребила форму глагола прошедшего времени ед. ч. м. р. на *-с'*. Последний в свою очередь является маркированным (нейтральным в данной форме скорее будет глагол на *-с'а*), делает высказывание более коротким, экспрессивным и использован, возможно, для того чтобы на речевом уровне передать информацию о том, что блины скоро будут готовы.

В реплике 39 употреблена нейтральная форма, свойственная как русскому, так и белорусскому языкам, а также местной речи.

3.3.2. Влияние сниженного стиля речи собеседника

В диалоге 36 информант І, сын информанта Е, рассказывает информанту А о том, как его обманула продавщица:

Ц'о́ц' Ол', нас дык с'о́н'н'а С'м'арну́ха надур'і́ла. (36: 63; І)

Што? (36: 64; А)

С'м'арну́ха. (36: 65; І)

Што С'м'арну́ха, А́рц'о́м? (36: 66; А)

Надур'і́ла. (36: 67; І)

Надур'і́ла? (36: 68; А)

Да? (36: 69; А)

А ма́мка па́шла. (36: 70; І)

*А ма́мка **разабра́лас'а**, н'е, с'і́ойу?* (36: 71; А)

Возможно, к употреблению информантом А варианта *-с'а*, который придает его речи «народный», неофициальный характер, подтолкнули форма *надур'і́ла* и прозвище *С'м'арну́ха*, употребленные информантом І.

4. Заключение

Анализ записей устной речи жителей г.п. Хотимска позволяет говорить о большой степени вариантности в употреблении

ими отдельных языковых единиц. Это может быть вызвано сосуществованием в говоре нескольких языковых пластов — диалектной базы, белорусского литературного языка и русского литературного языка или просторечия.

Влияние белорусского литературного языка на речь хотимчан не очень заметно и требует отдельного изучения¹. В то же время очевидно определенное отношение говорящих к русскому языку. В частности, элементы русского языка могут использоваться под влиянием внешних, социальных и стилистических факторов, среди которых выделяем следующие:

- цитирование;
- аккомодация к собеседнику;
- тема беседы, каким-либо образом связанная с употреблением русского языка (город, образование, работа и др.);
- характер ситуации (наличие прямой или иронической торжественности);
- четкое противопоставление ролей: «старший» — «младший», «мать» — «дочь», «опытный» — «неопытный», в том числе и в паре «говорящий — тот, о ком говорится»;
- различные виды экспрессии (удивление, строгость, недовольство, ирония, подчеркнуто положительное или подчеркнуто отрицательное отношение и др.);
- определенная стилистическая окраска слова, содержащегося в высказывании (в том числе сниженная или ярко выраженная разговорная);
- желание информанта придать речи разнообразие.

Наши наблюдения позволяют говорить об устной речи жителей г.п. Хотимска как об особом языковом феномене. Несмотря на наличие в этом типе языка многочисленных «отступлений» от белорусского или русского литературных языков, для информантов он является естественным, нейтральным, т.к. главная задача — возможность и выразительность коммуникации — с его помощью успешно достигается. Кроме того, этот язык можно считать даже в некотором смысле богаче того или иного литературного языка или «чистого» хотимского говора, т.к. у говорящих есть возможность разного языкового оформления своей мысли в зависимости от ситуации, собеседника и коммуникативной задачи.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в записях устной речи, даже ориентированных на сбор «трасянки», возможно интерпретировать некоторые фрагменты и установить некоторые закономерности использования разными информантами языка(ов) и его (их) видов.

¹ Некоторые наблюдения представлены в: [Запрудскі, Яненка 2011г].

Библиография

- Блінава Э., Мяцельская Е.* Беларуская дыялекталогія. Мінск: Вышэйш. шк., 1980.
- Генчэль Г., Тэй С.* Трасянка: у якой ступені яна руская, беларуская або агульная? (На матэрыяле маўленчай практыкі адной сям’і) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка.* 2007. № 1. С. 85–91.
- Головко Е.В.* Переключение кодов или новый код? // *Труды факультета этнологии.* Вып. 1. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 289–316.
- Запрудскі С.М., Яненка Н.В.* Варыянтнасць у вусным гарадскім маўленні: унутранае і сацыяльнае вар’іраванне (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімск) // *Беларускае слова: гісторыя і сучаснасць: Зб. артыкулаў / Пад аг. рэд. М.Р. Прыгодзіча.* Мінск: Права і эканоміка, 2010. С. 63–66.
- Запрудскі С.М., Яненка Н.В.* Марфалагічная варыянтнасць у вусным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімск) // *Язык и социум: теоретические и прикладные аспекты исследования: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.Ф. Гербик.* Минск: РИВШ, 2011а. С. 68–71.
- Запрудскі С.М., Яненка Н.В.* Моўцы перад выбарам постфікса -ся або -сь (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімск) // *Беларускае слова: дыялектнае і запазычанае: Зб. артыкулаў / Пад аг. рэд. М.Р. Прыгодзіча.* Мінск: Права і эканоміка, 2011б. С. 36–40.
- Запрудскі С.М., Яненка Н.В.* Моўцы перад выбарам суфікса -ў або -л у дзеясловах прошлага часу адзіночнага ліку мужчынскага роду (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімск) // *Тыпалогія ўзаемасувязей беларускай і рускай моў і праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі: Зб. артыкулаў.* Мінск: Права і эканоміка, 2011в. С. 121–126.
- Запрудскі С.М., Яненка Н.В.* Фанетычная варыянтнасць у вусным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у г.п. Хоцімску) // *Зб. артыкулаў па матэрыялах Міжнар. навук. канф. «Мова — Літаратура — Культура», Мінск, філал. ф-т БДУ, 28–29 кастрычніка 2010 г.: У 2 ч. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011г. Ч. 1. С. 102–108.*
- Яненка Н.В.* Да пытання аб фанетычным і марфалагічным вар’іраванні ў вусным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у г.п. Хоцімску) // *Зб. артыкулаў па матэрыялах навук. канф. студэнтаў БДУ, Мінск, філал. ф-т БДУ, 28 красавіка 2010 г. [2011а]. С. 108–111 <http://www.nirs.bsu.by/Документы/Конференция БГУ/67конференция/ТОМ2_67.pdf>.*
- Яненка Н.В.* Лексічная варыянтнасць у вусным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімску) // *Сб. мат-лов Междунар. науч.-практической молодежной конф. «Научные стремления 2011».* Мінск: Беларуская навука, 2011б. Т. 2. С. 329–332 <<http://www.science-intention.info/doc/tom2.pdf>>.

- Яненка Н.В.* Моўцы перад выбарам варыянтаў асабовых займеннікаў 3-й асобы (на матэрыяле запісаў у гарадскім пасёлку Хоцімску) // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы): Сб. ст. / Отв. ред. И.С. Ровдо. Минск: Изд. центр БГУ, 2011в. С. 377–380.
- Auer P.* The Monolingual Bias in Bilingualism Research, Or: Why Bilingual Talk Is (Still) a Challenge for Linguistics // Bilingualism: A Social Approach / Ed. by Monica Heller. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 319–339.
- Eckert P., Rickford J. R.* Introduction // Style and Sociolinguistics Variation / Ed. by P. Eckert, J.R. Rickford. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 1–20.
- Muysken P.* Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Romaine S.* Variation // The Handbook of Second Language Acquisition / Ed. by C.J. Doughty, M.H. Long. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 409–435.